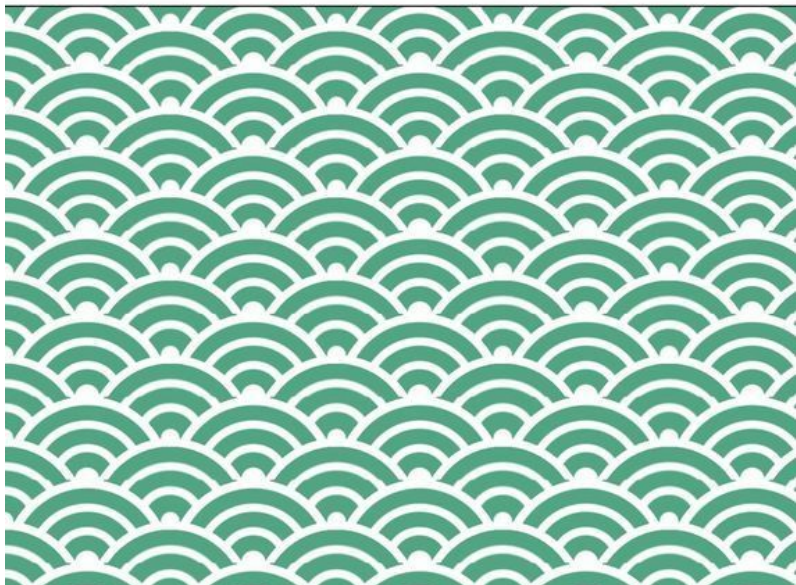

Вадим Наговицын

Ганин луг

Рассказы

Вадим Николаевич Наговицын

Ганин луг

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8065982
ISBN 978-5-4474-2506-7*

Аннотация

Впервые сборник рассказов «Ганин луг» вышел в издательстве «Золотая Русь» (Калуга).

Автор надеется, что электронная версия книги в издании Ridero обретёт много новых читателей. «Ганин луг» – первая книга рассказов Вадима Наговицына. Главное, что отличает произведения автора, – это собственный стиль, писательская смелость и принципиальная позиция борца за социальную справедливость.

Содержание

Меценат	5
1	5
2	7
3	13
4	16
Ганин луг	18
1	18
2	20
3	22
4	25
5	28
6	30
7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ганин луг

Рассказы

Вадим Наговицын

© Вадим Наговицын, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Меценат

Рассказ

1

Предприниматель Горин в молодости был больше известен по прозвищу Горыныч. Он, как и многие ныне процветающие люди, в смутные девяностые годы XX века, когда Россия переживала национальную катастрофу первоначального накопления капитала, начинал с полукриминального вымогательства, торговли краденым и присвоения чужого имущества, отнятого у трусливых и слабых. Он чудом пережил два покушения, банкротство, арест, дефолт и развод с предыдущей женой.

Зато сейчас он был богат и успешен. Он владел десятком больших магазинов, торгующих по всей области, пятью мастерскими автосервиса, тремя ресторанами, двумя ночными клубами и одним заводиком по производству пеноблоков. Бизнес шёл хорошо, обороты возрастали, прибыль увеличивалась, проблем с налоговой инспекцией, властями и законами не было. Точнее, эти структуры хорошо проплачивались и пока не беспокоили. В общем, Горыныч был почти счастлив. Он был на пике успеха и испытывал от этого постоян-

ную лёгкую эйфорию.

Сидя в кабинете своего шикарного офиса за огромным столом из натуральной карельской берёзы в глубоком кожаном кресле, Горин потянулся к тёмно-вишнёвой шкатулке с серебряными вензелями и выудил из неё огромную кубинскую сигару. Сигара после хрустящего обрезания концов плавно пристыковалась к пухлым синевато-красным губам в обрамлении пышных рыжеватых усов и, запалённая длинной спичкой, задымилась густыми сизыми клубами.

Хозяин кабинета откинулся на спинку кресла, водрузил ноги в блестящих лакированных штиблетах на стол, слегка задев бронзовую пепельницу, и окинул взглядом свой роскошный кабинет. Ему было чем гордиться – такого офиса не было ни у кого в этом городе, даже у тех, кто был богаче и круче его.

Неожиданно пропел сигнал селектора, и послышался вкрадчивый голос секретарши:

– Геннадий Николаевич, к вам посетительница. Говорит, что от Балавина.

Балавин был заместителем мэра города по вопросам культуры и ещё всякого там спорта; он был родственником самого губернатора, и не считаться с ним было нельзя.

– Проси! – Геннадий Николаевич убрал ноги со стола и аккуратно положил сигару на пепельницу. Селектор булькнул и затих.

Массивная дубовая дверь приоткрылась, и в проёме осторожно показалась женская голова с высокой старомодной причёской из крашенных хной волос:

– Можно?

Геннадий Николаевич одобрительно буркнул. Посетительница вошла и тщательно прикрыла двери.

Это была уже не молодая женщина примерно лет сорока. Невысокая, немного полноватая, в тёмно-синем платье, плотно облегающем хорошую фигуру. Её миловидное круглое лицо с серыми глазами, небольшим прямым носом и пухлыми, сильно напмаженными губами было весьма привлекательно. Женщина была симпатичной и выглядела интеллигентно и благородно.

Горин изобразил улыбку и показал пальцем, обхваченным крупной печаткой с бриллиантом, на небольшое кресло перед столом.

– Меня зовут Маргарита Павловна, – женщина осторожно подошла и аккуратно присела на краешек кресла. – Я детская писательница...

Увидав удивлённо приподнятую правую бровь Геннадия Николаевича, она неуверенно добавила:

– Я пишу для детей...

У Геннадия Николаевича приподнялась другая бровь. Женщина слегка растерялась...

Пауза затянулась. Маргарита Павловна, заметно волнуясь, начала излагать цель своего визита:

– Понимаете, я пишу для детей разные сказочные истории. Их публикуют уже много лет. Они пользуются популярностью. Но два года назад издательство, которое печатало мои книжки, разорилось, и теперь мне приходится для выпуска новых книг искать спонсоров и меценатов, которые могли бы оплатить типографские услуги. Понимаете меня?

Она попыталась заглянуть Горину в глаза, но тот пристально рассматривал едва дымящуюся сигару и на собеседницу не глядел вообще. Видя такое подчёркнутое невнимание, она нервно произнесла:

– Господин Балавин рекомендовал мне обратиться за помощью к вам.

Горин наконец поднял на неё глаза и поглядел в упор. За-

тем, не отрывая от посетительницы взгляда, сунул сигару в рот, почмокал, раскуривая, втянул дым и тут же выдохнул назад сизыми струями через нос. Вынув сигару изо рта, Геннадий Николаевич ласково, с дружеской интонацией, спросил:

– А вы знакомы с Максимом Платоновичем?

Маргарита Павловна, немного смутившись, ответила:

– Нет, я лично с ним не знакома. Но... Когда он встречался с писателями нашей области, он сказал, что у нас очень много щедрых и отзывчивых предпринимателей и что, когда возникнут трудности с изданием книг, можно обращаться к ним за помощью. Он назвал несколько фамилий, в том числе и вашу. Вот я и подумала...

Горин снова запихнул сигару в рот. Она была толстой, и держал он её, обхватив всеми пальцами. Слегка втянув густой дым, хозяин кабинета пыхнул плотным облачком и подозрительно произнёс:

– Значит, с Балавиным вы лично не знакомы?

– Нет, лично не знакома, – честно призналась Маргарита Павловна.

– Тогда зачем вы пришли ко мне? – в голосе Геннадия Николаевича послышалось лёгкое напряжение. Он пристально взглянул на женщину.

– Я написала продолжение своей сказки и хочу напечатать её хотя бы небольшим тиражом. Я дарю свои книжки детям в больнице. Иногда сама читаю для них. Им очень нравятся

мои истории, и они ждут продолжения. Помогите, пожалуйста, напечатать эту книжку, ведь сумма совсем небольшая, по крайней мере, для вас! – Маргарита Павловна смело поглядела в глаза Горину.

Геннадий Николаевич удивлённо взглянул на эту странную женщину, которая осмелилась вот так вот запросто прийти к нему в офис, ввести его в заблуждение ссылкой на знакомство с влиятельным чиновником и так нагло попросить у него денег.

Горин страшно не любил разных попрошайек, которые одно время, когда он был ещё начинающим бизнесменом, повадились ходить к нему и кланяться деньги на разные пустяки.

Однажды Гена Горыныч вспылал и жестоко избил милицейской дубинкой одного из таких посетителей, просившего деньги для школьного зооуголка. Избив человека, он выбросил его из окна своего кабинета со второго этажа. Ему всё равно потом пришлось заплатить деньги (и немалые!) за лечение пострадавшего, за закрытие уголовного дела и за то, чтобы об этом не написали в местной газете. Но он исполнил свой принцип – не давать деньги попрошайкам. С тех пор к нему боялись обращаться за помощью. Все знали, что Гена Горин не занимается благотворительностью и презирает тех, кто это делает.

И вот какая-то наглая тётка осмелилась просить у него кровно заработанные деньги, да ещё на какую-то несусвет-

ную глупость – на книжки! Кому сказать!

Гена внимательно смотрел на Маргариту Павловну и пытался понять: то ли она полная дура, то ли очень расчётливая аферистка. Он уже собрался было её прогнать в вежливой форме и потянулся к кнопке селектора, чтобы вызвать секретаршу... Правильно поняв его жест, женщина вскочила с кресла и, всплеснув руками, воскликнула:

– Геннадий Николаевич, умоляю вас, помогите! Вы не представляете, как важно мне напечатать эту книжку. Её так ждут дети в больнице! Я уж куда только ни обращалась – мне везде отказали. Осталась последняя надежда – только на вас. Ведь нужно чуть меньше тысячи долларов. Помогите, пожалуйста!

Горин заметил, как у писательницы взволнованно шевельнулась довольно полная грудь. В своём эмоциональном порыве женщина прижала к ней руки, и от этого грудь приняла особо выпуклую форму.

Злость утихла, и внезапно Горынычу пришла в голову оригинальная мысль. Он неторопливо положил сигару в пепельницу, улыбнулся и, сверля взволнованную посетительницу пронзительным взглядом, медленно произнёс:

– Маргарита Павловна... Я... Пожалуй... Дам вам денег... Но вы должны... Сейчас... Раздеться... Передо мной... Догода!

Он увидел в её потемневших глазах сначала недоумение, потом гнев и, наконец, испуг. Горин наблюдал. Последнее,

что отобразилось на лице Маргариты Павловны, было отчаяние.

Она медленно опустила руки и повернулась было к двери. Но... шага к ней не сделала. Она стояла, и по внезапно ссутулившейся спине было видно, какое сильное напряжение возникло в её теле.

Горин почти физически ощутил её страшную внутреннюю борьбу. Он интуитивно чувствовал, что ей действительно позарез нужны деньги, и не для себя лично. Он знал, что люди иногда ради какой-то очень важной цели готовы поступиться своими принципами, что они могут пожертвовать в таком случае очень многим. И поэтому Горину очень захотелось проверить, к какой жертве готова сейчас эта странная писательница с пухлой грудью и такой женственной фигурой.

Он больше не принуждал её ни к каким действиям и не произнёс ни слова. Он был готов подождать ещё несколько минут, а потом просто выгнать её внаше. Для этого он не поленился бы даже встать со своего удобного кресла...

Маргарита Павловна медленно-медленно повернулась. В её глазах блестели крупные слёзы, но по всему было видно, что женщина всё-таки решилась. Кивая головой, она тихо прошептала со всхлипом:

– Хорошо... Я согласна.

Горин с удовлетворением откинулся на спинку кресла и снова воткнул дымящуюся сигару в свой ухмыляющийся рот.

– Давай! – хмыкнул он и протянул руку к маленькому музыкальному центру, стоявшему рядом на полке. Толстый волосатый палец нажал на клавишу, и из колонок, замаскированных по углам кабинета, полилась тихая классическая музыка. Звучали скрипка с клавесином в темпе адажио – то ли Гендель, то ли Вивальди, и звук был звонким и чистым.

Женщина сначала скинула туфли, потом расстегнула боковую молнию на платье и начала медленно стягивать его через голову. Платье туго скользило по синтетической комбинации... Наконец резким движением женщина освободилась от него и кинула на то кресло, где ещё недавно сидела сама. Туда же полетела и комбинация. Затем колготки. Заведя руки назад, за спину, она расстегнула бюстгальтер и бросила его сверху на кучу своей одежды. Немного замешкавшись, метнув глаза на Горина, стянула с себя и трусики. Оставшись

нагишом и прикрыв обеими руками грудь, она подняла голову и робко спросила:

– Вы довольны?

Гена смотрел на неё с восторгом. Его рот был полуоткрыт, и из него струился сигарный дым. Глаза у него блестяли и выражали полное самодовольство. Нет, он не был восхищён видом привлекательной обнажённой женщины. Его глаза сияли потому, что он чувствовал своё торжество и превосходство над бедной и униженной писательницей.

– Убери руки и попрыгай, пожалуйста! – сдавленно прошипел он.

– Как? – спросила она, испуганно и не понимая.

– Как зайчик. Прыг-скок, прыг-скок! – произнёс Гена-Горыныч.

Маргарита Павловна вытянула вперёд согнутые в локтях руки и, держа их перед собой на уровне груди, несколько раз подпрыгнула.

– Ещё. Ещё. Ещё! – Горыныч захлопал в ладоши.

Женщина начала прыгать в такт его хлопкам. Её груди смешно болтались, как два тугих мешочка, из стороны в сторону. Её лицо было опущено вниз, и причёска потихоньку, с каждым прыжком, теряла свою форму и расплзалась в лохматые пряди.

– Раз-два, прыг-скок! – Горыныч уже весело и радостно хлопал и притопывал ногой, ударяясь коленкой о низ стола.

Ему было забавно. Такого зрелища он ещё не видел нико-

гда.

Что там все эти шлюхи и стриптизёрши?! Перед ним в его кабинете скакала, болтая грудями, немолодая интеллигентная писательница, которая при других обстоятельствах не стала бы с ним даже разговаривать.

Она была в его власти, и он этой властью жадно упивался. А она продолжала прыгать, и её прыжки становились всё медленнее и медленнее, а голова склонялась всё ниже и ниже...

Неожиданно она остановилась и громко разрыдалась, закрывая лицо ладонями.

– Ладно, хватит! – прикрикнул возбуждённый Горыныч и отключил музыку. – Одевайся. Деньги сейчас дам.

Он выдвинул ящик стола, вытащил пачку долларов; отсчитав десять зелёных банкнот, положил их на стол перед собой. Затем, помедлив, добавил сверху ещё три.

– Бери! Здесь тысяча. Три сотни сверху – за танец. Классно было, мне понравилось! – пропел, почти промурлыкал Горыныч.

Маргарита Павловна, торопливо одевшись, поправив, насколько это было возможно, причёску, подошла к столу и аккуратно взяла деньги, оставив три сотенных банкноты на столе:

– Спасибо, Геннадий Николаевич. Танец – бесплатно... Для вас!

И, развернувшись, она стремительно вышла из кабинета.

В палате для тяжелобольных детского онкологического центра Маргариту Павловну ждал её семилетний племянник Серёжа и ещё пятеро ребятшек с последней стадией заболевания.

– Тётя Рита пришла! – обрадованно зашептал лысый Петечка, он лежал напротив стеклянной двери и мог первым видеть входящих.

В руках тётя Рита держала стопку ярких цветных книжек. Все ребятки в палате оживились, они уже не могли встать с кроватей и только повернули свои лысые головёнки навстречу долгожданной гостье.

– Здравствуйте, мои дорогие! – Маргарита Павловна всем улыбнулась. – Я принесла вам новую книгу с продолжением приключений весёлого мышонка и его друзей. Держите!

Она прошла вдоль кроватей и каждому вручила подарок. Тонкие детские ручонки осторожно брали книжку и сразу же начинали её листать.

Все принялись радостно рассматривать яркие и красивые картинки. Счастливые улыбки заиграли на бледных детских личиках.

– А сейчас я вам её прочитаю! Хотите? – писательница встала возле кроватки своего племянника Серёжи и раскрыла книжку.

– Да. Хотим. Почитайте, тётя Рита! – раздались слабые голоса.

Маргарита Павловна читала с таким воодушевлением, и сказка была такой увлекательной, что все маленькие пациенты слушали, затаив дыхание. Даже медсестра Галя, пришедшая делать укол Серёже, задержалась в дверях и тоже заслушалась. Никогда ещё тётя Рита не читала такую интересную сказку.

12 мая 2007 г.

Ганин луг

Рассказ

1

– Анисья!

В ответ молчок.

– Анисья!..

Бабка Ганя, бодро шаркая ногами по серому дощатому настилу своего маленького дворика, подошла к невысокому шаткому заборчику, отгородившему ягодный сад, и с надеждой глянула за штакетник.

– Анисья! – снова громко позвала бабка Ганя и прислушалась.

В ответ раздалось осторожное шуршание, и вышла на свет из зарослей малинника белая коза с оборванной верёвочкой на шее. Животное остановилось поодаль, и в его огромных серо-зелёных глазах выражались укоризна и надменность.

– Ах ты ж!.. – только и вымолвила тихо старуха и сокрушённо махнула рукой. Ну не могла она сердиться на свою единственную козу и только причитала с напускной обидой:

– Опять отвязалась. И чего ж ты снова в садик-то забралась? Малину память хочешь? Как только ты сюда залеза-

ешь? По воздуху перелетаешь что ли? А ну-ка выходи!

Бабка Ганя немного прошла вдоль заборчика и приоткрыла узкую калиточку на проволочных петлях.

– Иди сюда, Анисьюшка! – ласково поманила козу. – Пойдём! Я сейчас на лужок тебя свожу. Попасёшься там на сочной травушке. А вечером молочка мне принесёшь. Ну, иди!

Коза хитро поглядела на хозяйку, моргнула, закивала изящной длиннорогой головой и трусцой побежала к калиточке.

Старуха отошла к крыльцу, взяла в руки длинный корявый посох из орешника и заковыляла к воротцам, ведущим на улицу. Коза Анисья, цокая копытцами по дощатому настилу, послушно последовала за своей старенькой хозяйкой.

Вместе они пошли вниз по узкой деревенской улочке, обнесённой с обеих сторон палисадниками и покосившимися заборами.

– Да, Анисья, знаю... Знаю, как ты любишь пастись на нашем лужочке. Щас уже придём, – ласково приговаривала старуха, семеня ногами и не оглядываясь.

Она знала, что на лужок Анисья будет бежать за ней вприпрыжку и никуда без спросу не денется.

Сразу за небольшой деревенькой, где всю жизнь прожила баба Ганя, в широкой речной пойме раскинулся огромный заливной луг. Трава на нём росла высокая, по пояс, и густая-прегустая, сочная-пресочная.

Завидев луг, коза заспешила к роскошному пастбищу и начала обгонять хозяйку.

– Беги-беги! Не жди меня. Я доковыляю потихонечку. Только далеко не забегай, – бабка и сама радовалась всякий раз, когда приводила сюда пасти свою козу.

Такого луга, пожалуй, и не было больше нигде в районе, только возле их Самсоновки.

Покосы здесь были такие!.. Хватало сена на весь околоток – шесть деревень в округе кормились с него. Коси травы – сколько хочешь! Всю не перекусишь.

Ещё до революции, в царские времена, владел этим лугом помещик, но потом, разорившись дочиста, продал его какому-то купцу за долги. При советской власти принадлежал этот луг большому колхозу «Ударник». А после...

После развала колхоза долго стоял луг бесхозный и некошенный.

Но в начале нынешнего века всё чаще стали какие-то мутные люди приезжать на дорогих автомобилях и приглядываться с прищуром на луговое великолепие.

– Глядите, Эдуард Арнольдович, места-то какие! Вот где можно развернуться-то! Прикупите у нас эту землицу. Со всем недорого! Только меня, грешного, не обделите! – подбостранно лебезил глава сельского района, прожжённый и алчный мужичишка Петька Коптелов.

Был он раньше жуликом и мелким аферистом, а теперь умудрился стать аж главой администрации целого района. Что ж, теперь его время наступило, и повсюду пришли к власти такие же прохиндеи, как и он...

Очередной заезжий толстосум любовался красивым лугом с изумрудной зеленью, согласно кивал головой:

– Подумаю... Нравится... Может быть, куплю... Буду страусов здесь разводить.

А после приезжал уже другой соискатель и тоже любовался живописной поймой извилистой речушки Белёны.

Долго не мог Петька Коптелов продать луг. Но однажды ему подфартило...

Баба Ганя, отпустив козу пастись без привязи, тем временем сама слегка примяла траву, расстелила поверх свою штопаную-перештопаную красную вязаную кофтёнку и присела, кряхтя. Как любила она эти прогулки на луг! Вот так она могла и посидеть, и полежать на траве, а потом походить туда и сюда, прислушиваясь к стрёкоту сверчков, жужжанию насекомых, к почвиркиванию и посвистыванию птичек. Она могла подолгу глядеть на высокое небо с редкими белыми облачками и вспоминать свою долгую жизнь.

Старуха вспоминала детство, когда она ещё совсем маленькой девочкой вот так же пригоняла сюда коз на выпас. Семья у них была большая: три старших брата и две старших сестры. Ганя была самой младшей, и поручали ей совсем не сложное, но очень ответственное дело – пасти трёх молочных коз, которые подкармливали семью своим целебным молочком. Братовья-то у Гани уже почти взрослые, молочко козье было им уже не по вкусу, и пили они только коровье. Ну что ж, Гане больше и доставалось козьего молока.

Росла она здоровой и крепкой девочкой. Все соседи и родственники любовались её розовым личиком и красными щёчками:

– Ишь, какая кралечка! На козьем молочке откормлена!
И Ганя гордилась своими щёчками. Ещё она гордилась бе-

локурыми косичками. Но больше всего она гордилась своими козами. Таких красивых и удоистых коз больше ни у кого в деревне не было.

А потом началась война...

Гане исполнилось уже двенадцать лет, и она хорошо запомнила то жуткое и тяжёлое время.

Все её братьовья один за другим ушли на фронт. Никто из них живым домой не вернулся.

А затем и старшая сестра Валентина тоже ушла служить медсестрой в госпиталь. Остались только Ганя да Люда, которая и была-то постарше всего на пару годков. А работать Людмиле приходилось в колхозе как взрослой – военное время.

Отец сутками бригадировал на полях, а мамка не вылезала с фермы, где с утра до ночи надо было доить и обихаживать коров. С большим напряжением сил работал колхоз для фронта и для всей страны.

Коз по-прежнему продолжали держать, и Ганя всё так же отгоняла их пастись на луг. Только одновременно приходилось ей таскать с собой ещё и косу, чтобы заготавливать луговую траву на зиму для коз и для коровы. В одиночку Ганя накашивала достаточно. Затем ворошила, сгребала. Иногда сестра Люда, отпросившись на пару часов с колхозных работ, помогала копнить сено. Отец на колхозной лошади вывозил понемногу небольшие стожки домой и перекидывал на сеновал.

А потом пришли немцы...

– Поздравляю с покупкой, Сергей Александрович! Теперь эта земля ва-а-аша! Весь луг теперь принадлежит вам. Чего собираетесь разводить?.. – Петька Коптелов, глава сельского района, угодничал, обхаживая покупателя, но внезапно осёкся под косым и злым взглядом нового хозяина луга.

За продажу родной земли свои тридцать сребреников, точнее двадцать тысяч американских долларов – акkurat по сотке за гектар, – Петька уже получил сполна и тут же подписал договор продажи бывших сельхозугодий, ныне оформленных как заболоченное неудобье.

Новым хозяином луга стал странный, свирепого вида, мужик. Был он невысок ростом, коренаст, пузат, с огромной круглой головой, бритой наголо, и масляными чёрными глазами навывкате под густыми смоляными бровями. Одет он был вызывающе богато и броско. Жёлтая в разводах шёлковая рубаша и толстая золотая цепь на шее, какой-то тёмно-красный пиджак заморского покроя, белые широкие, как шаровары, штаны и великолепные, лакированной кожи, чёрные штиблеты с узкими носами.

С этим Сергеем Александровичем, богатым бизнесменом из областного центра, всегда ошивался рядом здоровенный детина, тоже бритоголовый, но одетый в строгий чёрный костюм с оттопыренными карманами. Он ни на шаг не отходил

от своего шефа – охранял его.

Стоял новый хозяин луга на краю, на пологом спуске, на привозвышенности, возле огромного чёрного джипа и озира́л окрест свои новые владения. Он был весьма доволен приобретением.

– А что это за животное? – строго спросил он у Петьки Коптелова, показывая толстым пальцем на сидевшую далеко от них в траве старуху, возле которой паслась белая коза.

– Где? – засуетился Петька. – А-а-а! Да это же коза пасётся.

– Коза – это зверь. А я спрашиваю, что это за животное рядом? – снова сердито переспросил Сергей Александрович, показывая пальцем на старуху и повышая голос.

– Да это бабка Ганя. Наша. Местная. Она всегда здесь козу свою пасёт.

Петька Коптелов и сам растерялся от такого хамского вопроса.

– А почему на моём лугу пасутся какие-то животные и козы? – уже почти зарычал Сергей Александрович и повернул недовольную рожу к Коптелову.

Тот раздумывал с минуту, потом развёл руками и, глупо ухмыляясь, произнёс:

– Так она ещё не знает, что у луга новый хозяин появился. Вы теперича сами тут порядок и наводите... А я поехал – дела у меня! – с этими словами Петька Коптелов развернулся и пошёл к своему стоящему неподалёку автомобилю – уже

изрядно заезженной чёрной «Волге».

Бабка Ганя пригрелась на солнышке и, сидя, согнув кривую спину, слегка задремала. Сквозь дрему накатывались на неё воспоминания о далёком детстве, о военной поре, о том, что пришлось пережить в те годы.

Когда летом сорок второго немцы заняли их деревеньку, то половина жителей уже покинула насиженные места. А семья Гани эвакуироваться не успела.

Отца сразу же арестовали полицаи и куда-то увезли. Больше его Ганя так и не видела.

А сестра Людмила тоже куда-то исчезла. Позже узнали, что она, сопровождая обоз с фуражом для армии, успела отойти с нашими частями, и потом её определили куда-то на хозяйственную службу в тылу. Увиделись сёстры, все трое, только после войны.

Осталась Ганя с мамкой одна.

Корову фашисты сразу же отняли, и свинью тоже. Даже кур прибрали. Только и успела мать спрятать в лесу единственную уцелевшую козу Люську. Бегала потом Ганя в глухую чащобу проведывать её. Люська была привязана на длинной верёвке и выщипывала лесную травку. А на ночь её нужно было перегонять поближе к деревне и прятать в шалашик, замаскированный под копну с сеном. Ночью в лесу

козу могли загрызть волки. С началом войны их развелось в округе видимо-невидимо.

Доить Люську тоже приходилось Гане, и приносила она молоко для матери тайком в маленькой кринке. Маму, как и всех оставшихся в деревне женщин, немцы часто гоняли на работы – что-то постоянно копать заставляли.

А потом мать велела перепрятать Люську на лугу. Трава некошенная выросла в рост человеческий, и спрятать там козу было проще и безопаснее. Лес вокруг постоянно прочёсывали немцы и расставляли мины – соваться туда было небезопасно.

На малолетку Ганю немцы и полицаи особого внимания не обращали: бегают себе девчонка – и пусть. Партизан рядом не было, бои шли уже далеко, все взрослые – на принудительных работах, а дети чаще всего были предоставлены сами себе, и никто за ними особо не присматривал. Вот и бегала Ганя на луг проводить привязанную к колышку козу, переводила её на другое, новое, не выщипанное место, сдаивала. И сама молочко пила Ганя, и матери понемногу приносила.

– Слышь, Стас? – Сергей Александрович с недовольным видом повернулся к охраннику. – Сбегай-ка! Шугани эту старую клячу. Чтобы я её здесь больше никогда не видел!

Стас услужливо сорвался с места и бегом кинулся в сторону сидевшей старухи. Он сбежал по пологому склону и окунулся в травостой. Бежать по густой и высокой, по пояс, траве ему было непривычно и тяжело. Он рвал и мял её ногами, высоко подкидывая их и сгибая в коленях. Луговые растения оставляли на его костюме мокрые следы, пыльцу, соринки и свои семена.

Бежать до бабки было не менее двухсот метров, и скоро, запыхавшись, охранник перешёл на шаг.

Подойдя к старухе, он грубо окрикнул её:

– Эй, старая! А ну проваливай отсюда!

Бабка Ганя, сидя на своей кофточке, повернулась, подняла глаза на молодого хама и, улыбнувшись почти всеми своими уцелевшими зубами, с какой-то спокойной радостью спросила:

– Это почему же, мил человек?

Стас сделал свирепое лицо и прорычал:

– Потому что этот луг принадлежит Сергею Александровичу Гапуку. Он сегодня купил всю эту землю и не желает видеть на ней никого из посторонних. Понятно? А теперь за-

бирай свою козу и сваливай домой. Чтобы больше тебя здесь никто не видел!

Старуха спокойно выслушала Стаса, не проявив ни малейшей эмоции. Она пристально вгляделась в незваного гостя и только сокрушённо произнесла:

– Да как же это луг может принадлежать какому-то Сергею... Гу... Гу... как там его?.. пуку какому-то? Это только при царе лугом владели помещики да купцы. А советская власть этот луг отдала народу. Трудовому! Мы тут всю жизнь траву косили. А козу здесь я пасу сызмальства. Как же ты говоришь, что теперь этот луг принадлежит кому-то одному? Он что, барин какой? Или новый помещик?

Охранник слегка растерялся и не знал, что и ответить старухе. Он только хотел прогнать её с луга, исполнить приказание шефа, но он не был конченым отморозком и не желал применять силу к женщине, которая годилась ему в бабки. Стас стоял и напряжённо обдумывал, как согнать бабу с козой и вернуться к хозяину с победным докладом.

– Давай-давай, старая! Уходи подобиру-поздорову. Теперь это наш луг. И тебе тут с козой делать нечего! Паси её в другом месте! – Стас говорил торопливо, уже не сердясь, а только напуская на себя страшный вид. – Давай, мамаша, уходи от греха подальше!

Бабка Ганя смотрела на Стаса своими светлыми блёкло-голубыми глазами с материнской лаской и видела его нерешительность и напускную грубость.

– Как же, сынок? Мы ведь на этом лугу всю жизнь и пасли, и косили. Как же его могли продать кому-то? Кто ж право такое имеет? – спросила старуха с детской наивностью.

– Ты что, бабка, новых законов не знаешь? Ещё при Ельцине закон приняли о том, что землю можно продавать за деньги!

Стас хмурился и сердито выговаривал слова. Ему уже расхотелось спорить с этой старой женщиной.

– Как же? Неужели новая власть на такое паскудство могла пойти? Как же? Ведь не по-божески это. Земля только Господу Богу принадлежать может, чтобы народ на ней мог свободно трудиться. Неправильные законы твоя новая власть принимает, – бабка Ганя прониклась пафосом и без тени сомнения и всякой боязни продолжала разговор с охранником.

– Слушай, мамаша, ну уходи ты! И козу забирай поскорее, – Стас пытался уже по-хорошему уговорить старуху.

– Нет. Никуда я не уйду отсюда. Это мой луг! Я всю жизнь на нём коз пасу. Я здесь в войну чуть не погибла. Не уйду я никуда. Хоть стреляй в меня! И всё!

Бабка Ганя отвернулась от охранника, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Коза продолжала мирно пастись, а старуха сидела на траве и спокойно наблюдала за своей питомицей.

Помявшись в нерешительности, Стас понуро пошёл назад к шефу, ожидая ругани и оскорблений за невыполненное задание.

Тогда, в тот год, во время оккупации, произошёл с Ганей очень неприятный случай...

Однажды, возвращаясь с луга от Люськи, вынырнула она из травы и выскочила на дорожку, ведущую на взгорочку к деревне. А навстречу ей – невесть откуда – неожиданно попался худой, чернявый, как цыган, мужик в форме полицейя и с немецкой винтовкой за спиной. Ей он был не знаком и раньше не встречался.

– Стой! – окликнул Ганю полицейя. – Кто такая?

Ганя не испугалась, могла чуть что снова нырнуть в высокую луговую траву.

– Я Ганя из Самсоновки. Местная я, – ответила девочка.

Полицейя подошёл к ней поближе и внимательно оглядел.

– Ганя? Что за имя такое?

– Ганна Панкратовна я. Папа мой, Панкрат Пантелеймонович, родом из Белоруссии, а назвал меня так в честь своей мамы, бабушки моей Ганны Алесевны, – бойко, без запинки протараторила Ганя.

Полицейя, видимо, почуял запах козьего молока и строго спросил:

– Где молоко пила?

Ганя не знала, что ответить, и ей неожиданно стало страшно. Она испугалась – прежде всего за козу. Вдруг полицейя

прознает, найдёт Люську и убьёт её?! Останутся они тогда с мамкой совсем без молока. Больше всего было страшно за Люську. Она – последняя живность в их хозяйстве.

«Не отдам Люську!» – подумала Ганя и опрометью бросилась наутёк. Нырнув в высокую траву, она побежала не напрямки, а так, как в шутку учили её, играя в войну, старшие братья, – зигзагами, из стороны в сторону.

Полицай тоже было кинулся за ней, да куда там! Проворная и юркая Ганя, петляя, как заяц, оказалась уже далеко от него, и поймать её он не смог бы никак.

Разозлившись, фашистский прихвостень снял винтовку и, прицелившись в сторону колыхающейся от Ганиного бега травы, выстрелил.

Ганя бежала резво, изо всех сил, не оглядываясь.

И тут – раздался громкий выстрел...

Девочка даже не поняла сначала, что это в неё стрелял чернявый полицай.

Затем прозвучал второй выстрел, и пуля просвистела рядом над головой, едва не задев Ганю. Следом пролетела третья пуля, и Ганя в лихорадочном беге сообразила наконец, что это в неё, ребёнка, девочку, стреляет взрослый мужик, который ещё минуту назад расспрашивал её.

Ганя не испугалась, она не осознавала до конца, что пуля может убить её. Она продолжала петлять влево-вправо и думала только о том, чтобы спасти козу от чужих и посторонних. Девочка бежала совершенно в другую сторону, проти-

воположную той, где была спрятана в траве Люська.

Раздался ещё один выстрел, но пуля прошла уже где-то совсем в стороне. Больше не стреляли, а Ганя убежала далеко в луг, почти к самой речке.

Она до самой темноты сидела, прячась в зарослях ивняка, и плакала. Она боялась возвращаться домой. По глупости назвав своё имя и деревню, она выдала себя. И теперь тот злой чернявый полицей мог отыскать её дом, прийти к ним и убить. Он уже пытался это сделать сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.